

Ю. С. СТЕПАНОВ

**ЛИТ. *urà*, РУС. (он) *И есть*
(К вопросу о происхождении)**

В настоящее время существует не менее четырех гипотез о происхождении лит. *urà* 3-го лица наст. времени глагола *būti* 'быть'.

1. *Urà* является по происхождению именем со значением 'предмет, вещь; то, что есть в действительности' [Gauthiot, 1908, 201 ff; ср. также как „existentia“: J. Schmidt, 1879, 595]. Эта этимология опиралась на сходные факты финно-угорских языков по двум линиям: как на типологические параллели и как на предполагаемый субстрат балтийских. Но Р. Готьо указал и на и.-е. соответствия: арм. *ir* 'вещь, дело, факт, действительность' [Gauthiot. Op. cit., 226].

Гипотеза Шмидта—Готьо имеет сильную сторону: можно указать (чего не сделали авторы) и и.-е. параллели развития имени в глагол в позиции предикатного слова: лит. *reikà* 'дело, необходимость, потребность' → *reikia* 3-е л. наст. вр. 'необходимо, надо' [Frankel, LEW, s. v.]; др.-рус. *доба* 'польза, необходимость' → на *добъ*, *надобъ* 'необходимо' → *надо*, напр.: *Земля надо* с им. п.; латин. *potis* 'хозяин' (ср. лит. *pats*) → *potis sum* → *possum* 'могу' глагол [Ernout—Meillet, Dict. étym., s. v.]; греч. *χρή* — первоначально именная форма неясной этимологии, позднее предикатив 'надо, необходимо' и, наконец, глагол *χρῆναι* 'нуждаться, быть необходимым' [Frisk, Etym. W., s. v.]. Однако все эти слова имеют то общее, что из них создается связка с модальным значением долга, необходимости, и при этом первоначальное имя сохраняется рядом с производным от него предикативом. В литовском языке нет никаких следов этих двух признаков у слова *urà*, что является едва ли не решающим аргументом против гипотезы Шмидта—Готьо.

Х. Станг отчасти продолжил реконструкцию Готьо, приняв во внимание другую ее сторону — тот (предполагаемый) факт, что в арм. *ir i-* может быть отождествлено с и.-е. корнем местоимения* *k^wi-* [Stang, 1966, 414 ff; так же Джаукян, 1982, 148], а в балт. *urà / ir i-* может быть отождествлено с корнем местоимения *I*. В целом гипотеза Х. Станга следующая.

2. Лит. *urà* является по происхождению наречием или междометием типа *aurè* 'вон там' [Станг, 1963; Stang, 1966, 414 ff.]. Заслу-

гой Станга является то, что он связал этимологию *yrà* с семантико-синтаксической характеристикой класса предложений, где эта форма первоначально обнаруживается в текстах. Станг использовал давние наблюдения разных авторов о различии значений двух глаголов бытия в 3-м л. наст. времени — *yrà* и *ėsti*. Й. Яблонскис в своей „Грамматике“ 1901 г. объясняет *ėsti* как „pflegt zu sein, kommt vor“, а *yrà* как ‘ist’ [Jablonskis, 1957, 111]. Ср. также у Явниса [Jaunius, Gram., 180, 194]. Я. Эндзелин [Endzelin, 1923, § 597] отмечал, что „Universitas linguarum Litvaniae“ (1737 г.) переводит лит. *yrà* польским *jest*, а лит. *ėsti* польским *bywa*. Х. Станг, проведя аналогичные наблюдения над текстом Сирвидаса „Punktau sakimu“, пришел к выводу, что „*ėsti*, соответствующее и.-е. слову со значением ‘ist’, исконно употреблялось, вероятно, во всех случаях, где теперь находим *yrà*. Единственный тип предложений, где у Сирвидаса господствует *yrà* (в отрицательной форме *nėrà*), — отрицательные предложения существования. Это обстоятельство указывает на то, что первоначальной сферой *yrà* были предложения существования (как положительные, так и отрицательные)“ [Stang, 1966, 413], т. е. предложения со значением ‘(не) есть, (не) имеется, (не) существует’.

Гипотеза Х. Станга представляется вполне убедительной в той части, которая касается первоначальной сферы употребления *yrà*. (Этот вывод подтверждается и другими исследованиями [см.: Ford, 1967]). Однако здесь необходимо одно уточнение. Вся гипотеза и этимология Станга непосредственно связана с отрицательными (а не с положительными) предложениями существования. Для них, действительно, в балто-славянских языках типично употребление частиц непосредственного указания. Ср. рус. *Нет* (кого-то или чего-то) из **не ьсть ть* ‘не есть вот этот, вот тут’ [Преображенский, Этим. сл., 1, 596], где присоединенное слово *ть* указывало, вероятно, на близость к лицу собеседника (ср. сербско-хорват. *evo мени, ето теби, ено њему* ‘это мне, это тебе, это ему’ с тремя разными „это“ [Мейе, Общеслав., 1951, § 503]) и выражало определенность, сходную со значением определенного артикля. (Последнее, впрочем, предполагается и для утвердительных форм, чем и объясняется замена в русских формах 3-го л. ед. ч. окончания *-ть* окончанием *-тѣ* [Обнорский, 1941].) Далекое не случайным обстоятельством является и то, что в отрицательных предложениях находим в лит. не форму *yrà*, а форму *nėrà*, возвести которую к *ne + ĩra* не представляется возможным фонетически, так как дифтонги в литовском никогда не упрощаются в монофтонги в такой позиции, а что касается латышского, то в нем отрицательная форма глагола в предложениях существования — *nav* из *navaid*, которое в свою очередь из *ne vaid* [Endzelin. Op. cit., § 601] — и вовсе иного происхождения.

Все это указывает на то, что у отрицательных и у положительных предложений с лит. *urà* / *nèrà*, лтш. *ir* / *nav* два разных, хотя и близких друг к другу источника. Тем самым, возводить положительную форму *ura* / *ir* к частицам непосредственного указания мало оснований. Эти обстоятельства учитываются в нашей этимологии (4) ниже. Но прежде — еще об одной гипотезе.

3. Лит. *urà* (в предполагаемом виде **irā*) восходит к архаическим и.-е. глагольным формам на *-r*, в функции, отраженной в других и.-е. языках как 3-е л. мн. ч. перфекта или претерита или как 3-е л. ед. ч. медиопассива [Иванов, 1978, 615; Иванов, 1981, 75—81, 176]. В пользу этой гипотезы трудно привести какие-либо конкретные детали: постулируемая форма как форма глагола оставалась бы в балтийских языках абсолютно уникальной, глубочайшим архаизмом, без рефлексов и параллелей в других частях системы.

4. Лит. *urà* восходит к союзу *ir* 'и', оформленному глагольным показателем *-a*. Мы высказали эту гипотезу в общем виде [Степанов, 1970; ср. ранее Jäger, 1961, 316 ff.], не связывая предложенную этимологию с какой-либо специальной функцией или сферой употребления союза *ir*, — это будет сделано здесь, ниже.

В. Н. Топоров [Торогов, 1978] развил гипотезу, отчасти синтезировав ее с гипотезой Х. Станга, применительно к основной семантической сфере союза — конъюнкции, типа рус. *и*, лит. *ir*, указав в особенности на связь литовского союза — сообразно с двумя его предполагаемыми компонентами *i-* и *-r* — с и.-е. указательной местоименной основой **i-*, с одной стороны, и с и.-е. связочной частицей **r*, с другой. (Последняя представлена, напр., в греч. *ῥά*, *ἄρα*, *ἄρ* и т.п.) Отсюда возможная реконструкция исходного типа употребления и одновременно исходной формы следующая:

**i-* (*i-*) с **-r-* (*-r-*),

а соответствующие примеры таковы: лит. *jis ar turi eiti* 'hat er wohl zu gehen' 'он, пожалуй, должен идти'; *jam ar reikėjo būti, bet nebuvo* 'ему, пожалуй, надо было быть, но он не был'; греч. *ὅτε δὴ ῥά ... καὶ τότε ἄρα...* 'и вот когда..., тогда-то...'. Отсюда выводятся основные употребления *urà*: 1) *A ura* 'А — это (которое) вот', предложения существования; 2) *A ura B* 'А — это (которое) вот В', предложения тождества [Торогов, 1978, 626; Топоров, 1980, 67].

Центр реконструкции В. Н. Топорова заключается, таким образом, в предположении о том, что союз типа рус. *и*, лит. *ir* сам по себе мог быть предикативом. Существенные детали остаются, однако, необъясненными: в *urà* представлена не полная (соотв. ритмически сильная) ступень *ar*, как в приводимых примерах, а редуцированная (ритмически слабая) ступень *ir*, которая и сама по себе, без указательной частицы **i-*, может соответствовать и.-е. **r* (т. е. *ir* <

**r*); как и в других реконструкциях, (1), (2), (3), остается необъясненным конечное *-a*.

Мы будем исходить из того же основного предположения, что и в 1970 г., т. е. что *urā* восходит к союзу *ir*, но — и в этом заключается то новое, что мы хотим здесь сказать — не к его главной функции (конъюнкции), а к одному его специальному употреблению, а именно к употреблению союза как усиительной частицы перед связкой *ēsti*. Иными словами, исходной точкой развития мы предполагаем такие, существующие и в современном языке, употребления, как (*jis*) *ir ēsti*; рус. (он) *и есть*. В. Н. Топоров [1978, 623—624] попутно отмечает похожие случаи, но перед другими предикативами: рус. *Он и вор*, как ответ на вопрос *Что он, вор, что ли?*; *Оно и видно*.

Первоначально обе основные функции глагола бытия — 1) как „чистой“ связки и 2) как выражения существования — выполнял один и тот же глагол с и.-е. корнем **es-* [ср. также Stang, 1966, 413]. Но в ритмическом отношении та и другая функция выражались по-разному. Известное различие двух рядов др.-греч. глагола *εἶμι* ‘быть’ — 1) ритмически слабого, безударного, энклитики и 2) ритмически сильного, ударного, — связано именно с различием этих двух функций. По существу, возвращаясь к глубокой логико-грамматической традиции, восходящей к средневековой логике, работе Г. Хермана [Hermann, 1801] и др., можно говорить о двух глаголах бытия с корнем **-es-*, которые Ш. Гиро удачно назвал: „слабый“ — глаголом „сущности“ (*verbe d’essence*), „сильный“ — глаголом „существования“ (*verbe d’existence*), причем исторически первый предшествует второму [Guiraud, 1976, 5].

Ч. Кан Кahn, 1973, 420 ff.] выступил против этой традиции, отвергая семантическую интерпретацию указанных различий и принимая только ритмические различия, связанные с законом Ваккернагеля и позицией глагола бытия в предложении (в общем и огрубленно, — начальная позиция — ритмически сильная, другие — слабые). Даже если ограничиться только ритмическими различиями, то сказанное нами сохраняет силу. Но дело в том, что нет достаточных оснований отказываться от семантической интерпретации.

Именно такое соответствие, по-видимому, и проступает в балто-славянских языках. Первоначально единый глагол бытия с корнем* *es-* — лит. *ēsti*, рус. *есть* — оставаясь при выполнении „слабой“ функции сам по себе, в „сильной“ функции получал ритмическое усиление в виде союза *ir*, рус. *и* (не в их функции конъюнкции!). В результате этого усиления возникали определенные синтактико-ритмические сочетания: „(1) сильная, ударная позиция (занимаемая каким-либо словом, напр., *он* (*он и есть*)) + (2) слабая, безударная позиция (занимаемая лит. *ir*, рус. *и*) + (3) сильная, ударная позиция (занимаемая гла-

Голом, лит. *ėsti*, рус. *есть*)⁴. Сочетания (2) + (3) превращались в своего рода сращения.

В русском языке, оставаясь неизменными по форме, эти сочетания, в силу исчезновения глагола *есть* в этой функции, становились фразеологизованными оборотами. В литовском языке центральная часть этих сращений, позиция (2) + (3), уподобилась, в виде **irėst(i)*, глаголам атематического спряжения и испытала общую судьбу этих последних, т.е. при их тематизации получила тематическое окончание: **irėst(i) → *irė // *irà*, как *ėsti → ėsa* [о последнем см.: Zinkevičius, 1966, § 618]. Одновременно получил продление корневой гласный, как в омониме *ỹra* 'рвется' или как в *bỹra* 'сыплется' из **binra* при дублете *birsta*. (Между прочим, здесь мы получаем такую форму (**irė*), которую, по-видимому, искал Х. Станг и которую он постулировал в виде *aurė*.)

Если достоверны данные новооткрытого „Ятвяжского словарика“ [см.: Зинкявичюс, 1983], то имеющаяся в нем форма *irm* 'есмь' может прямо отражать указанный процесс. В таком случае можно предположить рядом с названными полными еще и сокращенные формы сращения: 1-е л. *irmi*, 2-е л. **irsi*, 3-е л. **irsti // *irst*; последняя при тематизации прямо дает *urà*.

Такое *ir-* могло к тому же осознаваться как своеобразная приставка к глаголу бытия, и исчезновение самого глагола способствовало образованию как бы нового глагола из приставки. Подобное глагольное словообразование довольно хорошо засвидетельствовано в хеттском языке [см.: Kronasser 1966, 573] и в виде отдельных следов в греческом и латинском [Dunkel, 1981].

Приведем теперь русские параллели. Для этого воспользуемся, прежде всего, лучшим из имеющихся описаний союза *и*, описанием, сделанным акад. Л. В. Щербой для готовившегося академического словаря русского языка [Щерба, 1935, стлб. 2–18]. Употребления, которые мы выбираем, соответствуют некоторым пунктам раздела III „И результативное“ и всему разделу V „И усилительное“ в этой классификации Щербы:

а) перед предикатом-глаголом: (1) *Государь ты мой милостивый, да как к людям и лежать у меня сердцу?* (Фонвизин); (2) *А как его только выбрали, так он тот час и разогнулся* (Сумароков); от этих случаев нужно отличать (у Щербы не отличенные) случаи, сходные по поверхностной структуре, но допускающие трансформацию — передвижение *и* в более обычную, начальную позицию: (3) *Ты попроси, он и даст* (Чехов) = Ты попроси, и он даст;

б) „после указательных местоимений и наречий, а также после второстепенных членов предложения и именной части сказуемого, если они поставлены перед глаголом или связкой“ (формулировка Л. В. Щербы): (4) *Тем и кончилось мое воспитание* (Пушкин); (5) *Мы тут и подросли* (Лермонтов);

(6) Так кто же это тебя так притугнул? — Вот и кто. Иду я из Сухони ... и вдруг вижу ... волчья стая (Шошин);

в) „после относительных местоимений и наречий“: (7) С тех пор он жил в своей Симбирской деревне, где и женился... (Пушкин);

г) для выделения любого слова, перед которым стоит: (8) И хорошо вы устроились!; (9) Ну и дела!; (10) Едакой женитьбы и куры смеяться станут (Сумароков); (11) Не хочу и доброй ночи желать тебе (Гоголь).

(Интересные дальнейшие наблюдения над семантикой русской частицы *и* сделаны Е. Г. Борисовой [1982, 18–22], к сожалению, без связи с ритмикой предложения; работа Л. В. Щербы осталась автору, по-видимому, неизвестной.)

К этому необходимо еще добавить не отмеченное Щербой: д) при повелительном (по форме) наклонении в значении быстрого, неожиданного действия, как бы увлекающего лицо, о котором говорится, помимо его воли (также при олицетворенном предмете): (12) Он и скажи! „Он вопреки ожиданию сказал“; (13) Она и хлопни! „Она неожиданно, против ожидания, хлопнула“. При других формах глагольных частиц, в сходном значении, *и*, тем не менее, невозможно: *Она и хлоп! Но без *и* последняя форма тождественна предыдущей: Она и хлопни! = Она — хлоп! Этот тип играет важную роль в дальнейшей реконструкции.

Употребления типа примеров (4), (5), (6), (7) отвечают формуле В. Н. Топорова (см. выше). Во всех случаях обращает на себя внимание ритмически слабое (безударное) положение *и*, при этом примеры (2), (3), (4), (5), (6), (7), (9), (12), (13) отвечают нашей ритмической формуле, приведенной выше. Поэтому легко объяснить два типа сращений с *и*: либо сращения проклитические — *и* примыкает к следующему ударному слову, чаще всего оно — предикат; либо сращения энклитические — *и* примыкает к предыдущему слову, которое чаще всего является относительным местоимением или союзом. Из последнего типа возникают характерные русские сращения — составные союзные слова: *хоть и*; *даже и*; *вот и*; *как и*; *где и*; и т.п.

Основному русскому типу — *и* в безударной позиции перед следующим ударным словом, которое тем самым и получает добавочное усиление, — полностью отвечают литовские типы *Jis ir yra tas žmogus*; *Aš ir kartu keliausiu* и т.п.

Поскольку во всех этих типах значение конъюнкции у союза либо вовсе отсутствует, либо лишь сопровождает его усилительную, выделительную функцию, необходимо предположить, что в союзе *и*, *ir* контаминированы какие-то две и.-е. частицы: одна из них — частица союзного типа, частично отвечающая формуле В. Н. Топорова (в том смысле, что помещается после относительного

или указательного местоимения), другая — частица выделительного или выделительно-побудительного типа, этой формуле не отвечающая. К последней непосредственно восходит лит. *ir* перед *ėsti*, а также перед совр. *yrà* (*jis ir yra*).

В наиболее чистом виде эта вторая частица представлена, по-видимому, в рус. *Он и скажи!* Окончание „повелительной“ формы *-и* здесь, несомненно, восходит к и.-е. оптативу, хотя детали соответствия и трудно установимы. А поэтому в „союзе“ *и*, сопровождающем эту форму „слева“, следует видеть какую-то частицу, сопровождавшую и.-е. оптатив. По всей вероятности, это и.-е. **ai//ī*.

Таким образом, рус. союз *и* (соотв. общеслав.) представляет собой, по-видимому, контаминацию двух и.-е. частиц — указательной **-i-* (*-ei-*) и „увещательной“ (оптативной) **ai//ī*, причем каждая из них более непосредственно отражается в „своей“ группе употреблений союза *и*. Так, по-видимому, более несомненно указательное *и* в примерах (4), (5), (6), (7), более несомненно увещательное, оптативное в (12), (13), возможно в (1). Лит. (соотв. общебалтийское) *ir*, несомненно, восходит к тем же двум частицам, но с присоединением третьей — **r*.

И.-е. частица **ai//ī* с увещательным значением содержится в греч. сращениях союзного типа *ἀλλάρ, ἀλλάρ δή*, которые при этом так же, как лит., содержат элемент **r* (*γάρ* из *γε + ár*). В то время как рус. союз *и* в его „усилительном“ значении наиболее непосредственно отвечает варианту оптативной частицы **ī*, ее вариант **ai* представлен в греч. инфинитивах аориста типа *δεῖξαι* и инфинитивах презенса типа *εἶναι*, а в литовском — в виде постпозиции к местоимениям *jinaĩ, jisaĩ, šisaĩ, toksaĩ, tataĩ* и т.п., и, по-видимому, в „инфинитиве“ типа *būtinai* [Бенвенист, 1955, 161–162], а также в соответствующих последней форме наречиях на *-tinai* [Бенвенист, Указ. соч., с., 137, 161]. Такой „инфинитив“ отмечен впервые Ф. Куршатом: *Aš čion būtinai įsitaisysiu* „Ich werde mich da bleibend oder zum Bleiben einrichten“, „Я устроюсь здесь побыть, на побывку“ [Kurschat, 1876, § 1547].

С другой стороны, те же элементы представлены в ведийских инфинитивах с окончанием *-tavái*, которое содержит *vai*, разлагающееся на *u + at*, где *u* — побудительная частица, а *ai* — увещательная частица, отмеченная выше [Бенвенист, Указ. соч., с. 161]. Инфинитив на *-tavái* может употребляться в качестве предиката в отрицательном предложении, выражая, в соответствии со своим составом, долженствование: *naĩsā gávyūtir ápabhartavá u* [Ригведа, X, 14, 2, цит. по: Елизаренкова, 1982, 360], где *...-tavá u* из *-tavái u*, т.е. из *(-ta)-u -ai u*.

По-видимому, те же элементы находим и в лтш. отрицательной форме предиката существования *nevaid*, которая, следовательно, разлагается на *ne-u-ai-d* и семантически представляет собой просто набор (повтор) отрицательно-вопросительных частиц, из которых, в свою очередь, *u-ai > vai* присутствует в начале вопросительной формы. Возможно, впрочем, что *vai* представляет собой какую-то цельную, несоставную частицу.

В любом случае обращает на себя внимание композиционный параллелизм лтш. *ne + vai + d*, лтш. *ir + ai + d*, лит. *yr + ai* [Вũга, 1958, I, 452].

Частично из других компонентов, а именно из *ne* и вопросительной частицы *ar* или *er* (последняя представлена в старых текстах), но по той же самой модели, что и латышское, составлено литовское отрицательное *nẽrà* (*ne-er* // *ne-ar*). Окончание *-a*, очевидно, перенесено из положительной формы *yrà*. Форма *ar* (*er*), используемая в своей первичной функции в ритмически сильной, ударной позиции начала вопроса, естественно, содержит сильную (полную) ступень того же корня, который в слабой (редуцированной) ступени представлен в другой позиции в *ir* и *yrà*.

Изложенным, по-видимому, отклоняются другие этимологии *nevaid* — как слова, происходящего из и.-е. корня перфекта **uoid-* со значением 'известно' или как заимствования, через вопросительную форму *vai*, из ливского *voi*.

Особого внимания и разбора заслуживали бы отмеченные Беценбергером формы *ira* как союза *ir* [Bezenberger, 1877, 71; 288].

Итак, если сейчас ограничиться только самым общим резюме, с семантико-синтаксической точки зрения, то в балто-славянском ареале были три глагола, а точнее — три предиката, бытия: 1) предикат „сущности“ вневременной и неизменной, *substantia*, выражающийся „нулем“, т. е. чисто именным предложением без связки (типа „Крит — остров“); 2) предикат „сущности“, данной во времени, *essentia*, выражающийся глаголом от корня *ese*, лит. *ẽsti*; 3) предикат „существования“, *existentia*, наиболее подвижный морфологически и ритмически, выражающийся сочетаниями глагола от корня *es-* с частицами, лит. *yrà*, рус. типа *Он и есть*. Третий предикат, расширяя свою сферу, вытеснил в литовском второй предикат. В своей исконной сфере „экзистенции“ с подчеркнутой эмфазой этот предикат получил новое подкрепление в виде частицы — тип *Jis ir yra*. Вопросительные и отрицательные предикаты бытия составляют разновидность, подтип, в рамках предиката третьего типа, „экзистенции“.

ЛИТЕРАТУРА

- Бенвенист, 1955 — Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование / Пер. с франц. — М., 1955.
- Борисова, 1982 — Борисова Е. Г. Семантический анализ усилительных частиц русского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1982.
- Джаукян, 1982 — Джаукян Г. В. Сравнительная грамматика армянского языка. — Ереван, 1982.
- Елизаренкова, 1982 — Елизаренкова Т. Я. Грамматика ведийского языка. — М., 1982.
- Зинкявичюс, 1983 — Зинкявичюс З. П. Польско-ягвяжский словарь? — В кн.: Балто-славянские этноязыковые отношения в историческом и ареальном плане: Тез. докл. II балто-славянск. конф. (Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР). М., 1983.
- Иванов, 1981 — Иванов В. В. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки. — М., 1981.
- Мейе. Общеслав., 1951 — Мейе А. Общеславянский язык / Пер. с франц. — М., 1951.
- Обнорский, 1941 — Обнорский С. П. Образование глагольных форм 3-го лица настоящего времени в русском языке. — Изв. Отд. лит-ры и яз., 1941, кн. 3.
- Преображенский. Этим. сл. — Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. Т. 1: А — О. — М., 1910—1914; перепеч. фототипич. способом — 1956.
- Станг, 1963 — Станг Х. Третье лицо глагола „быть“ в литовском и латышском языках. — В кн.: Вопросы теории и истории языка. Сб. в честь Б. А. Ларина. Л., 1963.
- Степанов, 1970 — Степанов Ю. С. Лит. *yrà* — 3 лицо глагола „быть“. — *Baltistica*, 1970, t. 6 (2).
- Топоров, 1980 — Топоров В. Н. Прусский язык. Словарь. I — К. — М., 1980.
- Щерба, 1935 — Щерба Л. В. Словарь русского языка. Т. 9, вып. 1: И — идеализироваться. 7-е изд. — М., 1935.
- Bezenberger, 1877 — Bezenberger A. Beiträge zur Geschichte der litauischen Sprache auf Grund litauischer Texte des XVI. und des XVII. Jahrhunderts. — Göttingen, 1877.
- Būga, 1958 — Būga K. Rinkiniai raštai. — V., 1958, t. 1.
- Dunkel, 1981 — Dunkel G.H. Further traces of preverbal *āmređita* in Greek and Latin. — *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*, 1981, Bd 95, H.2.
- Endzelin, 1923 — Endzelin J. Lettische Grammatik. — Heidelberg: Carl Winter, 1923.
- Ernout — Meillet, Dict. étym. — Ernout A. et Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue latine. 4-e éd. — P., 1967.
- Ford, L, 67 — Ford G.B., jun. Esti und yra in Vilentas' Enchiridion. — *Z.f. Slavische Philologie*, 1967, Bd. 33, H. 2.
- Fraenkel, LEW. — Fraenkel E. Litauisches Etymologisches Wörterbuch. — Heidelberg: Carl Winter, 1962, Bd. 2.
- Frisk, Etym. W. — Frisk HJ. Griechisches Etymologisches Wörterbuch. — Heidelberg: Carl Winter, 1970, Bd. 11.
- Gauthiot, 1908 — Gauthiot R. La phrase nominale en finno-ougrien. — *Mémoires de la Société de linguistique de Paris*, 1908, t. 15, fasc. 4.
- Guiraud, 1976 — Guiraud Gh. Nouvelles réflexions sur la phrase nominale. — *Z.f. vergleichende Sprachforschung (KZ)*, 1976, Bd. 90, H. 1—2.

Herman, 1801 – Hermann G. De emendanda ratione graecae grammaticae. – Leipzig, 1801.

Ivanov, 1978 – Ivanov V.V. Zur Herkunft einiger baltischen Verbalformen. – Z.f. Slavistik, 1978, Bd. 23, H. 5.

Jablonskis, 1957 – Jablonskis J. Lietuviškosios kalbos gramatika. – In: Rinktiniai raštai. – V., 1957, t. 1.

Jaunius, Gr. – Явнис К. Грамматика литовского языка. – Пг., 1908–1916.

Jäger, 1961 – Jäger G. Litauische *yrà*. – Z.f. Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung, 1961, Bd. 14.

Kahn, 1973 – Kahn Ch. H. The Verb 'Be' in Ancient Greek. – In: The Verb 'Be' and Its Synonyms. Philosophical and Grammatical Studies/Ed. by John W. M. Verhaar, D. Reidel. Dordrecht, Holland, 1973.

Kronasser, 1966 – Kronasser H. Etymologie der hethitischen Sprache. – Wiesbaden, 1966.

Kurschat, 1878 – Kurschat Fr. Grammatik der littauischen Sprache. – Halle, 1876.

Schmidt, KZ. 1879 – Schmidt J. Die germanische Flexion des Verbum substantivum und das hiatusfüllende *r* im Hochdeutschen. – Z.f. vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete des Deutschen, Griechischen und Lateinischen, 1879, Bd. 25, H. 1–2.

Stang, 1966 – Stang Chr. S. Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. – Oslo–Bergen–Tromsø, 1966.

Toporov, 1978 – Toporov V. N. Lit. *yrà*, lett. *ir* und ihre Vergangenheit im Lichte der Geschichte und der linguistischen Typologie. – Z.f. Slavistik, 1978, Bd. 23, H. 5.

Zinkevičius, 1966 – Zinkevičius Z. Lietuvių dialektologija. – V., 1966.